

Гражданское право

УДК 347
JEL: K15

НЕСМЕЯНОВА Ирина Алексеевна

ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», Ленинградский просп., 49, г. Москва, 125993, Россия.

<http://orcid.org/0000-0002-0128-2535>

Несмеянова Ирина Алексеевна, кандидат юридических наук, доцент Департамента правового регулирования экономической деятельности, Москва, Россия. E-mail: IANesmeyanova@fa.ru

**АНАЛИЗ ОТДЕЛЬНЫХ ПОЛОЖЕНИЙ ГРАЖДАНСКОГО
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ
СОБСТВЕННОСТИ РОССИИ, БЕЛАРУСИ И КАЗАХСТАНА¹**

Аннотация

Предмет/тема. В статье рассматривается вопрос создания системы международно-правового регулирования в сфере интеллектуальной собственности.

Цели/задачи. Целью исследования является анализ отдельных положений гражданского законодательства в сфере интеллектуальной собственности России, Беларуси и Казахстана.

Методология. Методологическую основу исследования составляют: общенаучные, частно-научные методы: диалектический, анализ, синтез, сравнительно-правовой и формально-юридический.

Вывод. Законодательство стран-членов ЕАЭС в сфере интеллектуальной собственности постоянно развивается. В условиях интеграции экономического пространства в странах ЕАЭС объективно возникает необходимость единого правового регулирования отношений, поэтому принятые изменения и дополнения в законодательство стран-участников Договора способствуют их сближению и гармонизации.

Ключевые слова: интеграция, сверхимперативные нормы, национальная система права, единая политика, интеллектуальная собственность, исключительные права, конфиденциальная информация, международно-правовое регулирование авторских отношений, Евразийское пространство, договор о ЕАЭС, Евразийская экономическая комиссия.

Civil law

Irina A. Nesmeianova, candidate of legal sciences, *associate professor of the Department of Legal Regulation of Economic Operations of the Law Faculty Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation.. E-mail: IANesmeyanova@fa.ru*

**ANALYSIS OF CERTAIN PROVISIONS OF CIVIL LEGISLATION IN
THE FIELD OF INTELLECTUAL PROPERTY IN RUSSIA, BELARUS
AND KAZAKHSTAN**

Abstract

Subject / Topic The article discusses the issue of creating a system of

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-011-00195

international legal regulation in the field of intellectual property.

Goals / Objectives The aim of the study is to analyze certain provisions of civil legislation in the field of intellectual property in Russia, Belarus and Kazakhstan.

Methodology. The methodological basis of the research is made up of general scientific, private scientific methods: dialectical, analysis, synthesis, comparative legal and formal legal.

Conclusions and Relevance The legislation of the EAEU member states in the field of intellectual property is constantly evolving. In the context of the integration of the economic space in the EAEU countries, there is objectively a need for a unified legal regulation of relations, therefore, the adopted amendments and additions to the legislation of the countries participating in the Treaty contribute to their convergence and harmonization.

Keywords: *integration, super-mandatory norms, national legal system, unified policy, intellectual property, exclusive rights, confidential information, international legal regulation of copyright relations, Eurasian economic space, EEU agreement, Eurasian economic commission.*

Рассматривая вопрос интеграции законодательства России, Беларуси и Казахстана, целесообразно обозначить следующие направления исследования: история создания ЕАЭС, как организации, устанавливающей единые правила в отдельных сферах экономических отношений, анализ отдельных норм, регулирующих право интеллектуальной собственности в странах ЕАЭС, возможности унификации гражданского законодательства в сфере рассматриваемых правоотношений.

Евразийский экономический союз¹ прошел в своем создании несколько этапов. Как указывает Т.Н. Нешатаева[8], это был путь от Таможенного союза через Единое экономическое пространство, а затем и через Евразийское экономическое сообщество, непосредственного предшественника образованного в 2014 году Евразийского экономического союза. Суть этого процесса - интеграция евразийских стран к созданию современного наднационального объединения. Таким образом [8], ЕАЭС - это наиболее совершенная конфигурация интеграционного характера - международная организация, являющаяся самостоятельным субъектом международного права, которому государства-участники передали компетенцию по установлению обязательных норм права (единая политика) в определенных сферах экономических отношений, а также по их интерпретации. Единые правила осуществления деятельности вырабатывают четыре органа ЕАЭС. Два из них являются международными межправительственными органами: Высший совет и Межправительственный совет. Еще два действуют как наднациональные структуры, принимающие решения вместо государственных органов власти в определенных сферах: Евразийская экономическая комиссия и Суд Евразийского экономического союза. Природа международных общественных отношений диктует необходимость присутствия четкой

¹ Договор о Евразийском экономическом союзе (Подписан в г. Астане 29.05.2014) // СПС КонсультантПлюс.

правовой позиции, а при ее отсутствии – правовой политики или «замещающего правила» по спорным или не рассматриваемым ранее вопросам. Учитывая различия в субъектах международных правоотношений, органы ЕАЭС должны выработать как однозначную правоприменимую для стран-участниц терминологию, так и специальный механизм осуществления правоотношений в конкретной сфере. Он жизненно необходим, учитывая, что развитие правоотношений всегда опережает изменения в законодательстве, хотя есть и исключения из этого правила.

Также, в международном праве отсутствует кодификация общих вопросов, поэтому членство в ЕАЭС, как указывает Т.Н. Нешатаева, обязывает акторов учитывать и общие принципы международного права, и специальные принципы, и конкретизация этих принципов в конкретном деле также является задачей Суда ЕАЭС. Таким образом, Суд ЕАЭС является тем органом, который призван упорядочить отношения всех участников союзных отношений путем формирования ясного и простого правила, единого для всех, устранить неясность, двусмысленность в праве ЕАЭС с целью ликвидации проблем текущего правоприменения в государствах-участниках. Так, например, учитывая, что национальное законодательство не может регулировать единую политику, Суд ЕАЭС уточнил для ЕАЭС определение вида правового регулирования в сфере единой политики, указав, что оно является наднациональным, то есть содержится в актах ЕАЭС, следовательно, нормы, которыми надлежит руководствоваться странам-участникам, будут являться сверхнормативными.

Основными формами экономической интеграции в рамках ЕАЭС выступают Таможенный союз и Единое экономическое пространство, сформированные еще в структуре ЕврАзЭС.

В то же время, как указывают У.Е. Батлер, Н.Ю. Ерпылева, Д.М. Максимов [2], евразийское правовое пространство существует, поскольку все страны-участницы находятся в географической близости друг от друга, а в юридической сфере их объединяет общее правовое наследие. Они используют общий рабочий юридический язык, их объединяет долгий опыт совместного проживания в институциональной модели. По мнению данных авторов проблема состоит в том, как правильно воспользоваться этим общим правовым полем при попытках адаптироваться к гармонизации отношений с более крупными сообществами, такими, как ВТО, ЕС и другими.

В современных условиях сотрудничество государств на платформе ЕАЭС стремительно развивается, поэтому изучение правовых систем государств, входящих в ЕАЭС, актуально и своевременно. Теоретический и практический интерес представляет исследование законодательства государств - членов ЕАЭС в данной области. Под объектами интеллектуальной собственности понимаются произведения науки,

литературы и искусства, программы для электронных вычислительных машин (компьютерные программы), фонограммы, исполнения, товарные знаки и знаки обслуживания, географические указания, наименования мест происхождения товаров, изобретения, полезные модели, промышленные образцы, селекционные достижения, топологии интегральных микросхем, секреты производства (ноу-хау), а также другие объекты интеллектуальной собственности, которым предоставляется правовая охрана в соответствии с международными договорами, международными договорами и актами, составляющими право Союза, и законодательством государств-членов¹.

Так, в сфере интеллектуальной собственности существуют следующие кардинальные отличия в законодательстве Российской Федерации и Республики Казахстан[9]:

- понятийный аппарат, в связи с принятием четвертой части ГК РФ - это «интеллектуальные права», а в ГК РК - это «право интеллектуальной собственности»;
- в законодательстве РК предусмотрено предоставление и отчуждение исключительных прав полностью или частично, а в РФ только полностью;
- в законодательстве РФ предусмотрены такие объекты интеллектуальных прав, как единые технологии, коммерческие обозначения, базы данных как объекты смежных прав; в Казахстане этого нет, или такой объект, как база данных, в Закон РК «Об авторском праве и смежных правах» предусмотрен как объект авторского права, как составное произведение;
- различные подходы к таким договорам, как договор на НИОКР и ТР и франчайзинг.

Существенную роль в данном процессе могут иметь сверхимперативные нормы, так как именно они призваны решать большой круг спорных вопросов в условиях интеграции стран-участников. Необходимость учета сверхимперативных норм признается и в сфере права интеллектуальной собственности. В доктрине и в судебной практике России и других стран отмечается, что отдельные предписания права интеллектуальной собственности могут быть отнесены к числу сверхимперативных. Например, соответствующие указания содержатся в подготовленных Европейской группой Макса Планка Принципах международного частного права в сфере права интеллектуальной собственности, где в ст. 3:901 говорится о возможности применения как сверхимперативных норм страны суда, так и предписаний иных стран, имеющих тесную связь с отношением. Именно поэтому, как указывает О.Ф. Засемкова [5], нельзя согласиться с высказываемой в отечественной доктрине «позицией о квалификации в качестве сверхимперативных всех без исключения положений» Федерального закона от 29.07.2004 № 98-ФЗ

¹ Протокол об охране и защите прав интеллектуальной собственности. Приложение № 26 к Договору о Евразийском экономическом союзе (Подписан в г. Астане 29.05.2014) // СПС КонсультантПлюс.

«О коммерческой тайне». При условии соответствия признакам сверхнормативных норм, нормами непосредственного применения могут быть признаны только отдельные предписания Федерального закона от 29.07.2004 № 98-ФЗ «О коммерческой тайне», например, зафиксированные в ст. 10 меры по защите конфиденциальной информации. Предписания указанного Федерального закона «действительно должны соблюдаться в любом случае, но не ввиду их сверхимперативного характера, а как нормы права интеллектуальной собственности, обладающие территориальным характером действия в силу прямого указания закона (ст. 1231 ГК РФ). Как следствие, коллизионный вопрос в данном случае фактически не возникает. А раз коллизионного вопроса нет, то нет и необходимости обращения к понятию сверхимперативных норм».

В то же время необходимо согласиться с тем, что «территориально-ограниченным характером обладают лишь исключительные права, в то время как личные неимущественные, а также иные интеллектуальные права, не являющиеся исключительными, обладают экстерриториальным характером» и могут быть признаны сверхимперативными в значении ч. 1 ст. 1192 ГК РФ. Можно разделить точку зрения О.Ф. Засемковой [5] о том, что в отечественном законодательстве сверхимперативными нормами являются положения ч. 2 ст. 1228 ГК РФ, устанавливающие, что право авторства, право на имя и иные личные неимущественные права автора неотчуждаемы и непередаваемы. Данное положение можно обосновать тем, что из текста данной нормы прямо следует, что она является императивной, поскольку содержит явно выраженный запрет на установление соглашением сторон условия, отличного от предусмотренного данной нормой правила: например, «отказ от соответствующих прав ничтожен». Данная норма соответствует критерию необходимости, поскольку достижение выражаемой ею цели не может быть реализовано иными способами. Также данная норма имеет безусловный характер действия, поскольку из текста можно сделать вывод, что она «подлежит применению всегда и при любых обстоятельствах, которые подпадают под сферу ее действия, и отступление от нее недопустимо ни при каких условиях». К тому же, рассматриваемое положение направлено на защиту интересов, имеющих основополагающее значение для участников гражданского оборота: авторов результатов интеллектуальной деятельности. Также указанная норма имеет важное значение для защиты интересов авторов результатов интеллектуальной деятельности, поскольку если избранное сторонами или судом право не предусматривает подобного положения, то их права могут быть поставлены под угрозу.

Таким образом, даже если российский автор результата интеллектуальной деятельности заключит трансграничное соглашение, предусматривающее передачу или отказ от личных неимущественных прав, и подчинит его иностранному праву, то российский суд должен будет

признать такое условие недействительным (ничтожным) как нарушающее сверхимперативную норму [5] российского законодательства, а именно: ч. 2 ст. 1228 ГК РФ.

Аналогичным образом вопрос применения сверхнормативных норм решается и в зарубежной судебной практике, где сверхимперативными считаются личные неимущественные права автора, неприкосновенность художественного произведения, права работника на вознаграждение от работодателя за передачу изобретения и другие.

Иного мнения придерживается А.А. Асосков [10], называя пробелом и проблемой коллизионные нормы ст.1211 ГК РФ, касающиеся интеллектуальных прав, ссылаясь на то, что статика интеллектуальных прав, вопросы их принадлежности, ограничения и т.п. остались вне сферы нормативного регулирования в разделе «Международное частное право», в ст. 1211 есть только коллизионные нормы, посвященные договорам о распоряжении исключительными правами [1].

В качестве примера можно привести Постановление Конституционного Суда¹, который указал, что должны существовать разумные пределы защиты правообладателем своего экономического интереса, не создающие угрозу публичным интересам. Правовым последствием такой квалификации может быть частичный или полный отказ в защите права. Приравнивать параллельный импорт к ввозу поддельных товаров несправедливо; изымать и уничтожать ввозимые в порядке параллельного импорта товары допустимо «лишь в случае установления их ненадлежащего качества и/или для обеспечения безопасности, защиты жизни и здоровья людей, охраны природы и культурных ценностей».

Из-за ограничений, которые налагаются в праве большинства государств на возможность полного перехода исключительных авторских прав в договорном порядке от правообладателя к контрагенту, в Российской Федерации такие договоры будут квалифицироваться как лицензионные, тогда как в иностранном правопорядке они могут быть легитимно отнесены к договорам отчуждения. Как замечает О. Луткова [6], это может приводить к конфликту квалификаций договоров в российской и иностранных юрисдикциях и конфликту сверхимперативных и других норм договорного и авторского права заинтересованных правопорядков при регулировании трансграничных договорных отношений и рассмотрении споров.

В правовых системах современных государств исключительные права на результаты интеллектуальной деятельности рассматриваются как

¹Постановление Конституционного Суда РФ от 13.02.2018 № 8-П «По делу о проверке конституционности положений п. 4 ст. 1252, ст. 1487 и п. п. 1, 2 и 4 ст. 1515 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «ПАГ» // РГ. 22.02.2018. № 39 // СПС КонсультантПлюс.

имущественные права, урегулированные в ст. 1226 ГК РФ, которые могут свободно отчуждаться или переходить от одного лица к другому на основе договорных отношений обладателей авторских прав с иными лицами.

Однако существуют особенности. В соответствии с п. 1 ст. 30 Закона Республики Казахстан от 10.06.1996 № 6-1 «Об авторском праве и смежных правах» исключительные права автора могут быть переданы в силу договора и в порядке наследования. При наследовании исключительное право переходит к наследникам в полном объеме, однако договор об отчуждении исключительных прав, если его оценивать с позиций российского законодательства, может быть признан только лицензионным (ст. 32), поскольку возможность отчуждения ограничена отдельными видами исключительных прав на использование произведений и только на определенный срок, но невозможна в отношении всего исключительного права полностью[6]. Таким образом, делает вывод О. Луткова, в законодательстве многих современных государств нет прямого запрета на отчуждение исключительного права на произведения, однако юридическая возможность полной уступки исключительных прав на произведение автором другим лицам по договору не предусматривается или существенно ограничивается в сравнении с российским правовым регулированием. Также в большинстве государств действует юридический запрет на отчуждение исключительного права на произведения, которые будут созданы в будущем. Это зафиксировано, например, в п. 8 ст. 32 Закона Республики Казахстан от 10.06.1996 № 6-1 «Об авторском праве и смежных правах».

Можно сделать вывод о том, что возможность автора распоряжаться своими исключительными правами была зафиксирована еще в тексте Бернской конвенции 1886 года: «авторы литературных и художественных произведений пользуются исключительным правом разрешать...» - с указанием в тексте соответствующих статей конкретного вида права (обязательственное, вещное, авторское или иное) на использование произведения, которым автор может распорядиться в пользу третьих лиц.

В настоящее время создание системы международно-правового регулирования авторских отношений в национальных системах права разных государств постепенно способствует единообразному восприятию участвующих в гражданском обороте исключительных прав автора.

К числу основных направлений развития национальных гражданско-правовых систем относится усиление внимания законодателя к регулированию отношений в сфере интеллектуальной собственности. Это выражается в том, что «расширяется круг объектов, на которые распространяет свое действие законодательство, создаются новые механизмы регулирования, а также трансформируются уже известные правовые институты» [3]. Можно выделить несколько глобальных правовых проблем:

- необходимость кодификации и унификации норм, регулирующих

договорные отношения в сфере интеллектуальной собственности;

- необходимость правового регулирования новых объектов интеллектуальной собственности, вызванная бурным развитием технологий, например, доменов и наносхем.

Согласно ст. 89 Договора о Евразийском экономическом союзе государства-члены должны сотрудничать и осуществлять скоординированные меры, направленные не только на пресечение, но и на предотвращение нарушения права интеллектуальной собственности. При этом в ч. 2 ст. 90 Договора содержится положение, согласно которому страны-члены ЕАЭС могут предусматривать в своем законодательстве нормы, которые обеспечивают больший уровень охраны и защиты прав на объекты интеллектуальной собственности, чем это предусматривается в международных правовых актах, применимых к государствам-членам, а также в международных договорах и актах, составляющих право ЕАЭС. В настоящее время статья 386 Таможенного кодекса ЕАЭС определяет порядок ведения национальных таможенных реестров объектов интеллектуальной собственности. В такие реестры включаются объекты интеллектуальной собственности, права на которые охраняются в конкретном государстве-члене, таможенным органом которого ведется такой таможенный реестр. Условия и порядок включения объектов интеллектуальной собственности в национальные таможенные реестры объектов интеллектуальной собственности, а также порядок ведения таких реестров устанавливается на национальном уровне государств - членов ЕАЭС.

3 февраля 2020 г. в Москве подписан Договор о товарных знаках, знаках обслуживания и наименованиях мест происхождения товаров ЕАЭС. Правообладателям, желающим распространить правовую охрану товарных знаков на всю территорию ЕАЭС, больше не придется регистрировать товарные знаки отдельно в Армении, Беларуси, Казахстане, России или Кыргызстане. Договор позволит получать свидетельства, действующие на всей территории ЕАЭС, через любое ведомство по интеллектуальной собственности. Договором, в частности, регламентируются: срок действия исключительного права на товарный знак ЕАЭС и свидетельства на наименование места происхождения товара ЕАЭС; процедура регистрации; основания для отказа в регистрации; причины признания регистрации недействительной; способы распоряжения исключительным правом на товарный знак [7]. Договор вступит в силу с даты получения депозитарием последнего письменного уведомления о выполнении необходимых внутригосударственных процедур.

Участие в ЕАЭС подразумевает высокий уровень интеграции, в том числе в сфере отношений интеллектуальной собственности [4]. Например, Договор о координации действий по защите прав на объекты интеллектуальной собственности предусматривает, что государства - члены ЕАЭС исходят из «необходимости формирования единой системы защиты

прав на объекты интеллектуальной собственности», а для достижения указанной цели должны осуществляться «гармонизация и совершенствование законодательства государств-членов». Сближение же законодательства выявляет правовую природу тех различий, которые существуют в национальных правовых системах. Таким образом, проведение сравнительно-правового анализа правового регулирования отношений, будет способствовать процессу унификации законодательства об интеллектуальной собственности государств - членов ЕАЭС.

Законодательство стран-членов ЕАЭС в сфере интеллектуальной собственности постоянно развивается. В условиях интеграции экономического пространства в странах ЕАЭС объективно возникает необходимость единого правового регулирования отношений, поэтому принятые изменения и дополнения в законодательство стран-участников Договора способствуют их сближению и гармонизации.

Список источников:

1. Асосков (2018) - *Асосков А.В. Нарушение публичного порядка как основание для отказа в принудительном исполнении решений международных коммерческих арбитражей, принятых на территории Российской Федерации* // Закон. 2018. № 9.

2. Батлер, Ерпылева, Максимов (2016) - *Батлер У.Э., Ерпылева Н.Ю., Максимов Д.М. Производство по делам с участием иностранных лиц в международном процессуальном праве России, Казахстана и Узбекистана* // Законодательство и экономика. 2016. № 11.

3. Гражданское и торговое право зарубежных государств: В 2 т. / Отв. ред. Е.А. Васильев, А.С. Комаров. М.: Междунар. отнош., 2004. Т. I. С. 30.

4. E-commerce и взаимосвязанные области (правовое регулирование): сборник статей / Рук.авт. кол. и отв. ред. М.А. Рожкова М.: «Статут», 2019.

5. Засемкова (2018) - *Засемкова О.Ф. Сверхимперативные нормы: теория и практика*. М.: Инфотропик Медиа, 2018.

6. Луткова (2017) - *Луткова О. Договор отчуждения исключительных прав и лицензионный договор в трансграничных авторских отношениях* // ИС. Авторское право и смежные права. 2017. №№ 10,11.

7. Мамонова (2020) - *Мамонова Д.А. Теоретические и практические аспекты правовой охраны ноу-хау* // ИС. Промышленная собственность. 2020. № 5.

8. Нешатаева (2017) - *Нешатаева Т.Н. Суд Евразийского экономического союза: от правовой позиции к действующему праву* // Международное правосудие, 2017. № 2.

9. О праве интеллектуальной собственности Республики Казахстан и Российской Федерации: сходства и различия? [Интервью с А.А. Амангельды] // ИС. Авторское право и смежные права. 2019. № 2. С. 33 - 40.

10. Асосков (2016) - *Асосков А.А. Уровень нашего коллизионного регулирования вполне можно сопоставить с ведущими странами* // Закон. 2016. № 8.

References:

Asoskov (2018) - *Asoskov A.V. Violation of public order as a basis for refusal to enforce decisions of international commercial arbitrations adopted on*

the territory of the Russian Federation [Narushenie publichnogo poryadka kak osnovanie dlya otkaza v prinuditel'nom ispolnenii reshenij mezhdunarodnyh kommercheskih arbitrazhej, prinyatyh na territorii Rossijskoj Federacii] // Zakon. 2018. № 9.

Butler, Erpyleva, Maksimov (2016) - *Butler U.E., Erpyleva N.Yu., Maksimov D.M. Proceedings in cases with the participation of foreign persons in international procedural law of Russia, Kazakhstan and Uzbekistan* [Proizvodstvo po delam s uchastiem inostrannyh lic v mezhdunarodnom processual'nom prave Rossii, Kazahstana i Uzbekistana] // Legislation and Economics. 2016. №11.

Civil and commercial law of foreign countries [Grazhdanskoe i torgovoe pravo zarubezhnyh gosudarstv] : In 2 volumes / Otv. ed. E.A. Vasiliev, A.S. Komarov. M.: Mezhdunar. otn., 2004. T. I. P. 30.

E-commerce and related areas (legal regulation) [E-commerce i vzaimosvyazannye oblasti (pravovoe regulirovanie)]: a collection of articles / Ruk.avt. count and otv. ed. M.A. Rozhkova M. : «Statute», 2019.

Zasemkova (2018) - *Zasemkova O.F. Superimperative norms: theory and practice* [Sverhimperativnye normy: teoriya i praktika]. M. : Infotropic Media, 2018.

Lutkova (2017) - *Lutkova O. Agreement on the alienation of exclusive rights and a license agreement in cross-border copyright relations* [Dogovor otchuzhdeniya isklyuchitel'nyh prav i licenzionnyj dogovor v transgranichnyh avtorskih otnosheniyah] // IP. Copyright and related rights. 2017. № 10.11.

Mamonova (2020) - *Mamonova D.A. Theoretical and practical aspects of legal protection of know-how* [Teoreticheskie i prakticheskie aspekty pravovoj ohrany nou-hau] // IS. Industrial property. 2020. № 5.

Neshataeva (2017) - *Neshataeva T.N. Court of the Eurasian Economic Union: from legal position to current law* [Sud Evrazijskogo ekonomicheskogo soyuza: ot pravovoj pozicii k dejstvuyushchemu pravu] // International Justice, 2017. № 2.

On the intellectual property rights of the Republic of Kazakhstan and the Russian Federation: similarities and differences? [Interview with A.A. Amangeldy] [O prave intellektual'noj sobstvennosti Respubliki Kazahstan i Rossijskoj Federacii: skhodstva i razlichiya? [Interv'yu s A.A. Amangel'dy] // IS. Copyright and related rights. 2019. № 2. P. 33 - 40.

Asoskov (2016) - *A.A. Asoskov The level of our conflict regulation can be compared with the leading countries* [Uroven' nashego kollizionnogo regulirovaniya vpolne mozjno sopostavit' s vedushchimi stranami] // Zakon. 2016. № 8.